

ОХОТА НА ЛЬДИНЕ

Глубоко врезаясь колесами в мелкий морской песок, ГАЗ-66 медленно, но упорно продвигался вдоль берега моря. Стояла вторая половина мая, и в это время открывалась десятидневная охота на водоплавающую дичь.

В будке машины ехали трое охотников, экипированных в камуфляжную зеленую форму, а на полу сидел черный пес. Кобеля шестилетку звали Борманом, это был нечистокровный спаниель, а помесь с какой-то дворнягой. На охоте он был незаменим и мог дать фору любой породистой собаке.

Александр, хозяину пса, давали большие деньги за него, но он даже слушать не хотел. Начиная злиться, говорил: – Жену, собаку и ружье никому и никогда не отдам. Это все самое главное в моей жизни.

Как охотник, он был хорош, и считался непревзойденным стрелком. С дальнего расстояния спокойно бил утку влет.

Если охота была на море, то по первому окрику, Борман бросался в ледяную воду за добычей, плывя между льдинами. Уже не один год эти трое всегда вместе выезжали на весеннюю охоту.

Двое других напарников были коллегами по профессии и давно знали друг друга.

Рафик с Иваном были друзьями и на рыбалку или охоту выезжали всегда вместе. Рафик считался коренным сахалинцем, а Иван приехал на остров из далекого Алтая. Хотя Александр лет на восемь-десять выглядел постарше своих приятелей, раздора

между ними никогда не было.

Выезжали они за день-два до открытия охоты, разбивали лагерь, ставили большую палатку и с нетерпением ожидали начала нового сезона. В этот раз они приехали на день раньше. Разгрузив машину, отпустили шофера домой. Выждав, пока техника скроется из виду, принялись разбивать лагерь.

Палатку установили в низинке, прямо на песчаной косе метрах в семьдесят от берега моря. Сообща собрали нары, поставили буржуйку и натаскали выброшенного морем сухого плавника. В низинах, под косогорами еще пластами-сугробами лежал нетронутый теплом снег.

Погода не сулила перемен, и на море воцарился полный штиль. Весной Охотское море на восточном побережье поражает своей первозданной красотой. Чистая полоса воды ярко-синего цвета, играя солнечными бликами, невыносимо режет глаза.

Редкие льдины, словно стадо разбрелись в этой синеве. Бледно-голубого цвета, остроконечные и совсем плоские, разные по толщине и размерам, эти осколки разбитого замерзшего моря стражами неподвижно стояли на чистоводье. В полукилометре от берега, белой стеной, отделяя синеву моря, начиналось нескончаемое поле льда, уходящее далеко за горизонт.

Напилив дров, чтобы хватило до утра, приятели развели костер и сварганили нехитрый ужин. Наскоро перекусив, занялись подготовкой к утренней охоте. Поставили чучела птиц на воду, метрах в двадцати от берега, и соорудили себе лежанки, за льдиной стоящей у самой кромке прибоя.

Посидели у костра до заката солнца, потом дружно пошли в палатку. Раскрыв спальники, друзья быстро улеглись, чтобы с первыми лучами рассвета быть уже на месте.

Еще не начинало светать, а Иван был уже на ногах. Разжег "Шмель", заварил чаю и вышел из палатки. Дышалось легко – солоноватый морской воздух приятно будоражил, покалывая ноздри, словно призывал к активным действиям. Погода не изменилась, редкие облака закрывали звездное небо.

Дул легкий западный ветерок, но шума моря совсем не было слышно. За три дня до отъезда на охоту Иван переставал даже спать по ночам. Человек он был очень азартный, и даже при слове "охота" у него загорались страстью глаза. Едва забрезжил рассвет, он пошел будить своих напарников.

– Мужики, пора вставать, однако. А то всех уток проспите...

Рафик, позевывая и матерясь, медленно вылезал из спальника. Александр быстро соскочил, и с закрытыми глазами кинулся к выходу, но, ударившись лбом о шест держащий палатку, с "охами" упал на карачки.

Борман, пожалев хозяина и лизнув его пару раз в щеку, выскочил наружу из палатки. Попив чаю, охотники пошли к морю. Ветер немного окреп, пронизывая холодом одежду, старался залезть внутрь, поближе к теплу.

С утра температура воздуха в это время года всегда чуть выше нуля, но в полдень бывает и до плюсдвадцати. Рассредоточившись, выбрав себе места и взяв наизготовку ружья, охотники залегли за льдину, с нетерпением ожидая прилета птиц.

Каждому хотелось первому открыть счет в начале сезона. Это всегда было для них вроде негласного соревнования. И даже обычаем, как и то, что из первых подбитых уток Рафик варил на костре шурпу.

Невероятный запах, идущий из десятилитрового казана, казалось, распространялся по всему побережью. Свежее утиное мясо, немного картошки, пара луковиц, пригоршня вермишели, душистый перец с лаврушкой – все это булькало и клокотало в казане, маняще источая особый аромат (приправленный дымком!), который не мог оставить никого равнодушным.

Рафик, (или татарин) как звали его друзья, в приготовлении пищи был большой "дока". В этом деле среди компании с ним не соперничал никто. Однажды, глубокой осенью, они вместе с Иваном заблудились в тайге.

Припасов с собой не оказалось, пришлось убить ворону. Рафик оципал её, промыл в луже, натолкал внутрь какой-то травы и испек на костре в листьях лопуха. Съели с большим удовольствием, о чем часто вспоминали среди приятелей...

На границе льда и воды, нескончаемым потоком – в виде черной полосы шли утиные стаи. Этому бесконечному движению не было ни конца, ни края. Огромные стаи морской и благородной утки перемещались вдоль побережья моря, к себе на родину, чтобы заново обзавестись потомством.

Днями и ночами шла, накрывая собой огромные пространства, поистине лавина птиц, стремясь как можно быстрее достичь родных берегов Камчатки, Курил и Японии. Изредка какая-нибудь стая вываливалась из общего потока и садилась покормиться и отдохнуть, на бухты, заливы и берега моря.

Время шло, охотники с нетерпением ждали, когда же налетят утки. Чучела недвижимо стояли на воде, лишь изредка разворачиваясь от дуновения слабого ветра. Утка вообще не шла к берегу, редкие её табунки проносились на расстоянии, далеко для прицельного выстрела.

Наконец-то пара каких-то ошалелых крохалей прямо с лету плюхнулась рядом с чучелами. Прогремели выстрелы, и птицы замертво застыли на водной глади. Рафик, прыгнув в резиновую лодку вместе с собакой, быстро доставил трофеи на берег.

Забрав добычу, он вместе с Борманом направился к палатке, готовить долгожданную шурпу. Бесполезно просидев в засаде еще часа полтора-два, Александр с Иваном побрели в сторону своего лагеря.

Наевшись до отвала долгожданного местного деликатеса, охотники, вытащив спальники наружу, развалились отдыхать под теплым весенним солнцем. Метрах в двухстах от них находились бухты, еще наполовину закрытые льдом.

Иван, взяв бинокль, начал внимательно осматривать окрестности. На середине бухты, на открытой воде, сидел табунок в штук тридцать – морской чернети (в народе попросту, черныш.) Крупная морская утка черного цвета с белой грудкой и крыльями, кормилась в бухте и отдыхала после длительного перелета.

Иван, не привыкший спать после обеда, стараясь не разбудить своих товарищей, взяв ружье и лодку-одноместку под название "Нырок", двинулся в сторону бухты. Свою ТОЗ-34, "вертикалку", он два года назад приобрел в местном оружейном магазине. Легкое, с кучным боем ружье, конечно, не министерский "Зауэр", но и оно было его давней мечтой.

Эх, чок-получок,
Дульное суженье,
Бьет без промаха ружье –
Лохмами мишени! –

Горланили, бывало, на привале, радуясь удаче, под шурпу и "Горькую Стрелецкую", завезенную с материка, изрядно принявшие на грудь стрелки-утятники.

Патроны Иван всегда заряжал сам, добавляя чуть больше нормы бездымного пороха марки "Сокол". Дальность прицельного выстрела несколько увеличивалась. У морянок слишком плотное

оперение. От мелкой дробы бывало много подранков. Возникали проблемы с их поиском, многие не находились, гибли зазря. Утку всегда старался стрелять дробью-тройкой...

Определив направление ветра, он берегом, вдоль косы поплыл, старательно гребя в противоположную от уток сторону. Удалясь от них на нужное расстояние, выплыл на середину и, бросив весла, лег на дно лодки. Лодка, подгоняемая ветром, медленно приближалась к утиной стае. Не доплыв до неё метров сорок, с ружьем наизготовку, Иван резко вскочил, сделал выстрел дуплетом в поднимающуюся в испуге дичь.

Три утки упали сразу, и лишь один подранок поплыл к спасительному льду. Добив его очередным выстрелом, охотник, подобрав добытую птицу, погнал "Нырок" к лагерю. Мужики сидели на бревне и ждали подхода напарника. Выстрелы разбудили их и заставили немного поволноваться.

– Волка ноги кормят, – с этими словами удачливый стрелок бросил на песок четырех чернышей. Удивившись неожиданному результату, те в свою очередь стали расспрашивать приятеля о произошедшем событии.

Коротко рассказав обо всем, Иван с чувством удовлетворения и даже немного гордости, устало завалился на спальник. Александр почувствовал зависть и злость на самого себя. Рафик был на удивление спокоен. Вооружившись биноклем, они принялись пристально рассматривать гладь синего моря.

Вдалеке, между льдин сидело несколько табунков уток. Метрах в двухстах от берега, около большой льдины расположилась на отдых огромная стая морских уток. Большое количество турпанов, хохлатой чернети, крохалей и даже несколько особей уток-мандаринок, самых красивых уток семейства утиных, давно уже занесенных в Красную книгу.

Резвясь, ныряя и плавая, самцы в брачном наряде старались производить впечатление на противоположный пол для того, чтобы выбрать себе спутницу жизни. Кряканье, свист и гвалт, и другие неподражаемые звуки разносились ветром вдоль побережья.

Чучела "не работали", утка не долетая до них, уходила в море. Первым забил тревогу Александр: – Мужики, может, выйдем на лодке в море? Или слабо?

– Если хотите, то плывите с Иваном. Я больше в море, на резинке не ходок, с меня хватит одного раза. Пойду на чучелах

посижу, – с этими словами Рафик взял ружьё и пошёл к берегу.

Несколько лет назад он в месте с братом, вышел в море на резиновой лодке. Охота удалась, и они хорошо настроляв дичи, уже собирались, было, выйти на берег, как вдруг заметили подранка. Рафик, перегнувшись через борт, пытался поймать его живым. Неожиданно кусок льдины, вынырнувший из воды, ударил в противоположный борт лодки.

Не успев даже вскрикнуть, Рафик оказался в ледяной воде. С помощью брата и того же осколка проклятой льдины, он довольно быстро успел вскарабкаться в лодку. Всё же месяц пришлось отвалиться в больнице с воспалением лёгких. Одному на резинке плыть всегда рискованно, мало ли что может произойти – море есть море.

Александр, присев на бревно, взглянул на Ивана. В его глазах застыл вопрос: – Вань, может, сплаваем?

Почуяв настроение хозяина, Борман лизнул Ивана в руку.

– Ладно, в море, так в море. Уговорили, – вставая, произнёс Иван и погладил собаку. Они взяли несколько чучел, связанных на леске, и, оставив скулящего пса на берегу, вышли на двухместной лодке в открытое море.

Издали море казалось синим, однако, отплыв несколько метров вглубь, охотники в изумлении обнаружили, как вода поменяла цвет. Вместо синего, она стала темно-зеленой, от мельчайших рачков и планктона поднимающегося со дна. Вода будто кипела и бурлила вокруг лодки. Долго в эту завораживающую пучину смотреть было невозможно – начинало мутить и откровенно вода звала к себе.

Глядя перед собой, мужики подплыли к самой большой льдине, толщиной в метра полтора, её большая половина была скрыта под водой. Взяв с десятков чучел, Иван с помощью ножа взобрался по пологому месту на свой плавучий остров.

С напарником они договорились, что охотиться будут порознь. Александр, отплыв метров за сто от льдины, тоже бросил чучела на воду и прилег в лодке, дабы не спугнуть преждевременно птиц. Иван, тем временем выбрал на льдине место покрепче и, забив железный штырь в лед, привязал к нему леску. Течение, подхватив чучела, сразу же отнесло их от льдины.

Спрятавшись за ледяной выступ, присел на колени в надежде быстрого прилета пернатых гостей. Просидев около часа в томительном ожидании, Иван понял, что утки, пролетая мимо,

слишком хорошо его видят на белом фоне льда. Про белый маскхалат он второпях совсем забыл. Где-то, в направлении лодки, бахали одиночные выстрелы.

Осмотревшись, для себя отметил, что лодка находилась от него довольно далеко. Солнце здорово пригревало, тоненькие прозрачные ручейки поползли по льдине, с шумом стекая в морскую воду. Внезапно раздался громкий всплеск, и двухметровая глыба отвалилась от плавучего острова.

На лбу у Ивана тотчас выступила холодная испарина. Он ощутил толчок и увидел, что льдина начала разворачиваться. Набрав в легкие побольше воздуха, он стал звать Шурика. Вода скрадывала звук, и тогда он дважды выпалил в воздух. Затем, сняв с себя куртку, принялся ею отчаянно размахивать.

Вздвогнув, льдина снова пришла в движение, словно к ней приставили двигатель. Она целенаправленно двигалась на восток, тогда как все остальные стояли на месте. Ивану казалось, что она увеличивает скорость. Александр, наконец, поняв в чем дело, уже спешил ему на помощь.

На ватных ногах Иван добрался до штыря и ножом срезал леску. С большим трудом напарник причалил лодку к месту посадки. Скользя по мокрому льду, Иван скатился на пятой точке прямо на мокрое днище резиновой посуды. Вздохнув с облегчением, друзья, забрав чучела, быстро развернулись и рванули, что было сил, к берегу.

Однако, не доплыв до него метров тридцать, почувствовали, что кто-то их как будто цепко держит. Не сразу сообразив, они поняли – начался отлив. Сколько охотников и рыбаков унесло в море отливом, никто не знает... Это знает только море.

Александр изо всех сил работал веслами, по лбу стекали капли пота, а Иван, надев перчатки, помогал ему, гребя руками. Медленно, сантиметр за сантиметром лодка подвигалась вперед. Мелкие куски льда, с острыми шлакоподобными краями ощутимо мешали движению ненадежного суденышка.

В любой момент можно было порвать резину об острые ледяные кромки, и тогда... Не на шутку встревоженный Рафик бегал по берегу с веревкой в руках, а Борман все время порывался прыгнуть в воду, стремясь прийти на помощь хозяину.

Последние двадцать метров воды были сплошь забиты шугой. Раскатав болотные сапоги и зайдя в воду, Рафик пытался добросить до лодки веревку. Наконец ему это удалось

и он, упираясь, потащил её к берегу. Это почти непреодолимое расстояние терпящие бедствие друзья прошли за... полтора часа.

Измощенные борьбой с морем, и полностью обессиленные, они словно снопы повалились на прибрежный песок, не в силах пошевелиться. Борман, повизгивая от радости, облизывал их обоих. Внезапно на море раздался громкий всплеск. Льдина, на которой находился Иван встала вдруг вертикально, затем, разломившись пополам, с шумом упала в воду.

Рафик вдруг захохотал. Недоуменно переглянувшись – (надо было видеть смену гримас на лицах!) друзья подхватили этот смех и хохотали до тех пор, пока рассердившийся Рафик не выстрелил в воздух.

Это был истерический смех, следствие перенесенного стресса. Обнявшись, друзья медленно пошли к палатке, пес, залиvisto лая, бежал впереди.

ВЫЖИВШИЙ НА ВОДЕ

Разрезая носом синюю гладь воды, лодка стремительно уходила вглубь залива. В "Прогрессе" находилось трое рыбаков, вышедших на самую интересную и увлекательную рыбалку. Была середина июня, из Амурского лимана в огромный залив на западном побережье острова Сахалин заходила рыба – калуга.

Это огромный осетр, достигающий в длину до пяти метров и весом до тонны. Рыба давно занесена в Красную книгу, так же как и коренное население острова. Малочисленный народ Севера Сахалина называют нивхи.

Основным продуктом питания для аборигенов является рыба. Жизнь без рыбы для нивхов лишена смысла. С раннего детства они приучены к ней и потребляют её в любом виде. Рыбу солят, коптят и вялят на солнце.

У каждого дома вдоль заборов выложены огромные поленницы юколы. Кету и горбушу потрошат, промывают в морской воде и складывают рядами – друг на друга. Горбуша в основном идет на корм собакам.

В бочонках, бидонах и банках солят икру, а позднее меняют её на продукты у русского населения. Сегодня трое мужчин-нивхов решили попытать счастья и вышли на промысел калуги – самой дорогой и изысканно-вкусной рыбы относящейся к деликатесу.

Лодка приближалась к заветному месту, где у рыбаков стояли сети. Плели их из толстой капроновой нити, да и вообще из всего подручного материала. Ячейка была крупной – на сто, сто пятьдесят миллиметров и длиною в несколько сот метров. Охан – так называли рыбаки свои снасти.

Не доходя немного до сетей, рыбаки заглушили мотор, и сев на весла, осторожно двинулись вдоль охана. Один из них, стараясь не шуметь, зашел в нос лодки и внимательно стал всматриваться в толщу воды.

Коренастый, небольшого роста, и лет сорока от роду мужчина, сосредоточенно, жестами и мимикой руководил остальными людьми. Это был один из нивхов, имеющий большой опыт и непререкаемый авторитет на этой опасной и тяжелой рыбалке.

Звали его Геннадий, и он считался в своем рыбацком поселке самым удачливым рыболовом и охотником. У него на шее висело ожерелье из медвежьих когтей, тех самых когтей, которые когда-то давно лишили жизни его отца.

Встретив весной в тайге медведя, Генкин отец смертельно ранил его, но косолапый, будучи уже в смертельной агонии, сумел когтями дотянуться до живота охотника. Так и нашли мужики два мертвых тела, лежавших рядом.

В ту пору Генке было десять лет, и он был самым старшим из братьев. Сызмальства начал, как и заведено в племени, постигать азы охоты и рыбной ловли. Поймать калугу было очень рискованным занятием.

Ткнувшись носом в охан, рыба замирала на месте и долгое время стояла, не двигаясь. Очень осторожно, чтобы не спугнуть, нужно было подвести ей под голову веревку и, чуть подняв над водой – оглушить её увесистой дубиной.

Рыба от удара замирала, а рыбаки, одев ей за голову петлю, спокойно буксировали её на лодке к берегу. По поселку протекала небольшая речушка, где по берегам стояли вкопанные столбы. За них-то и привязывали веревкой этих выловленных великанов – представителей семейства осетровых.

Несколько дней рыба стояла, не шевелясь, пока за ней не приезжали толстосумы-покупатели, либо, не дождавшись оных, вытаскивали её на разделку. Медленно, едва подталкиваемая веслом, лодка продвигалась вдоль ставной сети-охана, пока Генка настороженно не поднял руку вверх.

Это был условный знак и рыбаки, убрав весла, затаили дыхание.

Прямо перед ними, почти уткнувшись головой в охан, стояла пошевеливая жаберными крышками и едва заметно плавниками, огромная трехметровая калуга.

Умудренные глаза гиганта, как бы смирившись с участью, казалось, ничего не выражали. Глядя доисторическим взором на выдавших виды рыбаков, он пока не предпринимал никаких действий... Поражали воображение его размеры! Массивная голова и ромбообразные костяные пластины, проходящие вдоль всего тела, очень хорошо просматривались через небольшой слой воды.

Сама Природа многие века эволюции создала острые, как бритва, ромбы, которые выполняли роль доспехов и служили надежной защитой от разнообразных, охочих на поживу крупных хищников. Медленно подплыв к добыче, рыбаки в суеверном страхе во все глаза смотрели на своего вожака, ожидая от него приказа.

Такая большая особь попалась им впервые, и они были не прочь оставить её в покое... Однако, Генка, почувствовав страшный азарт, уже не мог совладать с собой и остановиться на самом гребне удачи. Перегнувшись через нос лодки и взяв в руки веревку за два конца, он старательно подвел её под голову рыбине.

Кое-как заведя веревку, Генка начал потихоньку поднимать голову осетра над водой. По его знаку – кивку головой, один из напарников, вооружившись большой березовой дубиной, приблизился к самому борту лодки.

Упершись правой ногой в борт, он поднял увесистое орудие высоко над головой, надеясь со всего размаху разом оглушить подводного монстра. В этот миг третий, самый молодой, увидел в воде еще одну рыбину, подходившую к сетям. Второй осетр был еще крупнее...

От восторга и неожиданности он резко вскочил на ноги. Лодка покачнулась. Обрушенную вниз дубину уже ничем нельзя было остановить – сила инерции была очень велика. Страшный удар пришелся вскользь – по краю рыбьей головы. Рыбак вместе с дубиной ухнул в воду, чуть, было, не оседлав осетра.

Вода фонтаном вздыбилась около лодки, брызгами и пеной окатив рыбаков. Мгновенно ответный мощнейший удар хвостом угодил в борт лодки с такой силой, что повылетали заклепки на дюралевом корпусе. Посудина, зачерпнув воды, косо пошла на

дно, увлекаемая тяжестью мотора.

Вся беда заключалась в том, что, будучи отличными рыбаками и охотниками на морского зверя, нивхи абсолютно не держатся на воде – они не умеют плавать. Потерпев крушение, сразу камнем идут в пучину, даже не пытаясь хоть как-то спастись.

Вынырнув из воды, барахтаясь и беспорядочно махая руками, Генка нечаянно ухватился за железную пустую канистру из-под бензина. Канистра и стала для нивха "соломинкой" спасения. Он лег на неё грудью, и, отдышавшись и отплеываясь, огляделся вокруг.

На поверхности воды никого не было, кроме березовой дубины и пачки промокших сигарет "Памир". Его напарников быстро поглотила вода – без малейшего сопротивления в борьбе за жизнь, они сразу утонули. Мысли уцелевшего лихорадочно проносились в голове: в такие минуты мозг работает на пределе.

Вставив дубину рукояткой в ручку канистры, Генка, бултыхая ногами, двинулся в сторону берега. Еще плывя сюда, он заметил на воде буй, который недавно выставила служба пароходства. Сейчас терпящий бедствие человек направлял свой неуклюжий плот к спасительному поплавку.

Сколько времени ушло у него на преодоление этого расстояния, он не знал. Плыл очень медленно, выбившись из сил и боясь потерять сознание от перенапряжения. Иногда просто хотелось опустить руки и отдаться на волю Бога. Решив прекратить напрасную борьбу за свою жизнь, Генка последний раз захотел посмотреть на родной берег.

Опершись руками на канистру, вытянул шею и взглянул поверх воды. Радостный хрип вырвался из его горла – метрах в пятидесяти, покачиваясь на волнах, краснел на заходящем солнце долгожданный буй. Это и вызвало прилив новых сил, помогло за короткое время добраться до плавучего островка.

Вскарабкавшись на буй, и поставив ноги на выступ, Генка, точно Робинзон, обхватил руками теплый морской знак и захохотал от радости. Следом, по не знающим бритвы, в проседи, щекам градом потекли слезы. Постепенно его хохот перешел в рыдания – началась истерика.

Всхлипывая, Генка разговаривал сам собой, жалея своих погибших друзей и проклиная неудавшуюся рыбалку и этот злополучный день. Появилась нестерпимая жажда, казалось, язык намертво прилип к нёбу.

Попробовав морской воды, он с отвращением сплюнул. Солнце медленно начинало садиться, и Генка понял, что до утра его никто искать не будет. Вытащив из ботинка шнурок, он привязал палку с канистрой к бую. Переминаясь с ноги на ногу и не находя удобного положения, изможденный и почти полностью обессилевший Геннадий приготовился коротать ночь.

Солнце ушло за горизонт и от воды повеяло сыростью и холодом. После полуночи прошел небольшой, но крупный дождь. Отжимая промокшую рубашу, Генка с жадностью высасывал живительную влагу. Стало немного легче.

Рано утром, со стороны побережья он услышал звук моторной лодки. Еще не видя людей, он снял с себя рубашу, привязал к палке и принялся вкруговую размахивать над собой. Люди из родного поселка спешили к нему на помощь. Через двадцать минут Геннадий находился в лодке, которая, сделав крутой разворот и оставляя бурун, заскользила в сторону берега.

Зайдя в русло речки, Генка увидел толпу односельчан, с нетерпением ожидавших потерявшихся рыбаков-земляков. Нивхи мужественно и молчаливо приняли весть о гибели своих сородичей-добытчиков – просто море приняло свою дань.

Прослав до самого вечера, спасенный вышел на улицу, в надежде узнать о судьбе своих напарников. Рыбаков искали недолго – водой их прибило к охану, и сейчас они лежали рядышком, на траве, окруженные ребятней и народом.

Слез было мало – аборигены спокойно относятся к смерти близких. Через две недели про Генку написали в местной газете. Статья была о том, что он единственный из нивхов выиграл схватку с водной стихией. С тех пор, в рыбацком поселке, зовут Генку не иначе как Пловец, и он среди односельчан по праву считается героем.

